

НАТАЛИЯ ВЛАСОВА

СЕМЕЙНАЯ САГА

РЕКА НЕ ТЕЧЁТ НАЗАД

КНИГА ВТОРАЯ

Наталия Власова

Река не течет назад

«Автор»

2026

Власова Н.

Река не течет назад / Н. Власова — «Автор», 2026

Он приехал в Назино без имени, без документов и без прошлого. После жестокого избиения мужчина помнит только отдельные навыки, но не собственную жизнь. Пока его ищут, сибирское село принимает чужака как своего — даёт ему работу, кров, человеческое участие. И Варвару, рядом с которой впервые хочется не вспоминать прошлое, а строить будущее. Но имя всё-таки находится. Алексей Жаров. И вместе с ним возвращается то, о чём его отец молчал десятилетиями. Оказывается, Назино уже однажды вошло в историю их семьи — слишком страшно, чтобы забыть и слишком глубоко, чтобы это не отозвалось спустя годы. «Река не течёт назад» — продолжение романа «Дом, в котором не умирали». Семейная сага о любви, памяти, вине и выборе. О том, можно ли начать жизнь заново, если прошлое всё равно находит дорогу к тебе. И о том, что человек не обязан повторять чужую судьбу, даже если история делает круг.

© Власова Н., 2026

© Автор, 2026

Наталия Власова

Река не течет назад

РЕКА НЕ ТЕЧЁТ НАЗАД

Наталия Власова

Глава 1

Чужой

Пароход ждали с обеда.

К четырём часам на дебаркадере стало тесно. Бабы поставили у ног бидоны и корзины, мужики сгрудились ближе к сходням, ребятня носилась по мокрым доскам, пока дядька Степан не пригрозил каждому лично надрать уши. С пристани их согнали, но ненадолго: через минуту мальчишки уже торчали на берегу, шурились на реку и спорили, кто первым увидит дым.

На подоконнике у Степана сипела старая «Спидола». Передали погоду, потом заиграла песня. Её почти не было слышно за голосами, плеском воды и тарахтением мотоцикла, который никак не мог завестись наверху, у больницы.

Пароход ждали всегда.

Летом река связывала Назино со всем остальным миром. По ней приходили почта, лекарства, мука, керосин, люди и вести о тех, кто уехал. Зимой оставался самолёт, если позволяла погода. А с весны до ледостава была Обь — широкая, тяжёлая, никогда не пустая, даже когда на ней ничего не видно.

Дядька Степан сидел в своей каморке, приоткрыв дверь. За спиной у него висели спасательные круги, в углу лежал свёрнутый брезент, а у стены стояли старые железные носилки. Их держали здесь на всякий случай. Случаи на реке бывали разные.

Около пяти со стороны верховьев донёсся гудок.

Мальчишки заорали первыми. Залаяли собаки. Люди потянулись к краю дебаркадера, и Степан вышел из каморки, на ходу поправляя фуражку.

Из-за поворота показался белый двухпалубный «Омик». Он шёл медленно, выталкивая перед собой тусклую воду. На верхней палубе уже стояли пассажиры с чемоданами и узлами. Кто-то махал с берега, кто-то отвечал с парохода. Женщина возле сходней заплакала и тут же засмеялась, разглядев среди приехавших своего.

Потом люди увидели корму.

Там двое матросов держали мужчину. Один подхватил его под мышки, второй придерживал за пояс. Сам он на ногах почти не стоял. Голова была опущена, лицо разбито: правый глаз заплаыл, губа рассечена, на скуле запеклась кровь. На нём была рубашка с оборванной пуговицей и мятые брюки. Ни пиджака, ни багажа рядом не было.

На дебаркадере стало тихо.

Даже мальчишки перестали толкаться.

Когда пароход подошёл, матрос с носа перебросил канат. Степан поймал его, накинул петлю на тумбу и крикнул через плечо:

— Носилки давай! Живо!

Сходни легли на край дебаркадера. Сначала сошёл старший помощник, за ним осторожно повели избитого. На второй ступени ноги у мужчины подломились. Матросы удержали его, но он всё-таки ударился коленом и коротко, со свистом втянул воздух.

— Потерпи, земляк. Осталось малость.

Его уложили на носилки. Он открыл левый глаз и посмотрел вверх, на серое небо. Взгляд был осмысленный, только совершенно пустой, словно он видел не людей над собой, а что-то очень далёкое.

— Живой? — спросил Степан.

— Пока живой, — ответил старший помощник. — Внизу нашли, за ящиками. Без сознания лежал. Ночью рвало, утром опять отключился.

— Кто такой?

— А кто его знает. Документов нет, вещей нет. Билет в кармане — до Назино, без фамилии. Бумажник нашли под лавкой, пустой. В брюках только нож складной.

— Ограбили?

Старший помощник оглянулся на палубу.

— Похоже на то. Пассажирка говорит, вечером он в кормовом салоне с тремя мужиками карты гонял. Утром тех уже не было — на ночной остановке сошли. Каталы, видать. Пока хватились, ищи ветра в тайге.

Степан посмотрел на избитого.

— Значит, к нам ехал.

— По билету — к вам. Спросить не можем. Очнулся ненадолго, а кто он и откуда, не говорит. Может, не хочет. Может, не помнит.

Мужчина шевельнул губами. Слова не получилось. Только дыхание сорвалось.

— Понесли, — сказал Степан. — И Марью Тимофеевну позовите!

Четверо подняли носилки. Толпа молча расступилась. Женщины смотрели вслед, дети — на тёмные пятна крови у него на рубашке. Через несколько минут дебаркадер снова загудел: принимали мешки, передавали почту, обнимали приехавших. Только разговоры теперь начались с одного и того же:

— Видала, какого сняли?

Река принесла человека без имени и уже пошла дальше, будто ничего особенного не случилось.

* * *

Его внесли в старую больницу и положили в приёмном покое.

Комната была прохладная, с белёным потолком и коричневой краской по низу стен. Посреди бетонного пола темнел круглый сток. У двери стояло эмалированное ведро, на окне — два горшка с геранью. Из коридора тянуло карболкой, варёной крупой и дымом: печь протапливали даже летом, если с реки приходил холод.

Мужики поставили носилки рядом с широкой деревянной кушеткой.

— Переложим?

Он услышал вопрос и хотел ответить, но не успел. Его подняли. В правом боку вспыхнула боль, на мгновение стало нечем дышать. Он застонал и вцепился в рукав ближайшего мужика.

— Тихо, тихо. Уже положили.

Дверь закрылась. Голоса ушли в коридор, потом стихли.

Он лежал, не двигаясь, и смотрел в потолок. Белила пошли мелкими трещинами. В углу, между стеной и печной трубой, висела паутина. В самом её центре сидел чёрный паук.

Паук был небольшой, с длинными тонкими ногами. Не крестовик — у того на брюшке должен быть рисунок. Этот был другой. Обыкновенный домовый паук.

Он знал это. Знал, что паук плетёт сеть, чувствует дрожание нитей и ждёт добычу. Знал, что за окном река, а по рекам ходят суда. Знал, что стены белят известью и что запах из коридора — карболка.

Он попытался вспомнить, как его зовут.

Внутри не отозвалось ничего.

Ни имени. Ни лица, которое могло бы склониться над ним. Ни дома, ни улицы, ни голоса.

Он смотрел на паука и чувствовал, как холодеют пальцы.

Ты знаешь, как называется паук. Знаешь, зачем он плетёт. Знаешь, чего ждёт. А себя — не знаешь.

Паук двинулся по нити. Остановился. Замер.

Кто ты? Не как тебя зовут — имя можно назвать любое. Кто ты?

Ответа не было. Только холод. В руках. В груди. Под рёбрами.

Он сжал пальцы, чувствуя, как ногти впиваются в ладони.

Спокойно. Ты здесь. Дышишь. Видишь паука. Значит, не всё потерял.

Он посмотрел на свои руки. Большие, с содранными костяшками. На правой ладони — старый белёсый шрам. Под ногтями въелась тёмная пыль, которую не смыла речная вода.

Руки помнили больше головы. Эти пальцы умели держать инструмент, на ощупь различать поверхность камня, чувствовать вес и сопротивление. Но кому принадлежали руки, он не знал.

Он закрыл глаза.

Паук остался на своей паутине. Ждал. Жил.

* * *

Дверь открылась быстро, но без суеты. Вошла женщина лет пятидесяти, невысокая, крепкая, в белом халате поверх тёмного платья. Платок был повязан туго, по-рабочему. Она поставила на стол потёртый фельдшерский чемоданчик и посмотрела на него серыми внимательными глазами.

— Я Мария Тимофеевна. Фельдшер. Слышишь меня?

— Слышу.

Голос оказался хриплым и тоже незнакомым.

— Хорошо. Глаза открой. Оба, как можешь.

Она наклонилась к нему, осторожно приподняла опухшее веко, посветила маленьким фонариком сначала в один глаз, потом в другой.

— Голова болит?

— Да.

— Тошнит?

— Сейчас нет.

— Рвало когда?

Он прислушался к себе, будто ответ мог находиться где-то за болью.

— Не знаю.

— На пароходе?

— Наверное.

Мария Тимофеевна выпрямилась.

— Какой сегодня год?

Ответ пришёл сразу:

— Шестьдесят пятый.

— Месяц?

Он посмотрел на окно. За стеклом висел бледный июньский вечер. Темноты здесь, кажется, не собиралось быть вовсе.

— Июнь.

— Где находишься?

— В больнице.

— Это я и без тебя вижу. Место как называется?

Он молчал.

— Назино, — сказала она. — Томская область. На Оби.

Название ничего в нём не задело. Ни образа, ни звука, ни случайной тени. И всё же в кармане у него лежал билет именно сюда. Значит, до этого места он добирался не случайно. Кто-то — он прежний — выбрал дорогу или согласился на неё.

— Как тебя зовут?

Он открыл рот — и не смог произнести ни слова.

Фельдшер ждала. Не торопила, не подсказывала. В коридоре звякнуло ведро, кто-то прошёл к выходу, тяжело ступая по половицам.

Он снова посмотрел на руки.

— Не помню.

— Совсем?

— Совсем.

— Откуда ехал? Родных помнишь? Жену? Мать?

Пусто.

Он закрыл глаза.

— А что помнишь?

Мужчина поднял руку и медленно согнул пальцы. Движение было привычным, уверенным.

— Руки.

— Что — руки?

— Что умеют.

Мария Тимофеевна посмотрела сначала на ладонь со шрамом, потом ему в лицо.

— Ну, значит, не всё потерял.

Она расстегнула на нём рубашку, ощупала рёбра, заставила сделать неглубокий вдох. В одном месте справа боль прострелила так резко, что он оттолкнул её руку.

— Не дёргайся. Может, трещина. Дыши ещё раз.

Она долго слушала грудь фонендоскопом, переставляя холодный кругляшок со спины на грудь.

— Лёгкие пока чистые. Это хорошо. А вот голова мне твоя не нравится.

— Мне тоже.

Фельдшер впервые усмехнулась.

— Шутить можешь — тоже хорошо. Только не вздумай вставать. Ночью буду будить. Если снова затошнит, начнёшь путаться или боль усилится — сразу зови. Как будет транспорт, решим насчёт района. До тех пор лежишь здесь. Понял?

— Понял.

Она промыла ссадины, наложила повязку на рассечённую бровь. Йод щипал, но эта боль была простой и понятной. За неё можно было держаться.

Мария Тимофеевна положила на край стола сложенный вдвое билет, пустой потёртый бумажник и складной нож с тёмной рукоятью.

— Узнаёшь?

Он по очереди посмотрел на каждую вещь. Билет сообщал, куда он ехал. Бумажник — что у него что-то забрали. Нож не сообщал ничего.

— Нет.

— Другого при тебе не нашли. Завтра председатель придёт. Пошлёт человека к геологам и сообщит в милицию. А пока спи.

— Где я? — спросил он ещё раз.

— В Назино.

— Это далеко?

— Откуда?

Он помолчал.

— От всего.

Мария Тимофеевна поправила на нём одеяло.

— Кому как. Для кого край света. А для нас середина.

Она погасила верхний свет, оставив лампу над столом, и вышла в коридор. Дверь закрыла не до конца.

Несколько раз за ночь фельдшер возвращалась. Будила его, спрашивала имя, год и место. Год он называл правильно. Место запомнил со второго раза. Имя не появилось.

Под утро он уснул крепко, без снов.

* * *

Разбудил его запах каши.

Он открыл глаза не сразу. За окном было всё то же белёсое небо, только комната стала светлее. В коридоре гремела посуда, кто-то сердито требовал сахар, старик за стеной кашлял долго и с присвистом.

На стуле возле кушетки лежали его брюки и рубашка. Под стулом стояли больничные тапки — большие, растоптанные. Рядом Мария Тимофеевна оставила кружку воды.

Он сел. Комната медленно качнулась и вернулась на место. Правый бок заныл, но дышать было можно, если не набирать полную грудь.

«Не вставать», — вспомнил он.

И тут понял, что выбора у него нет.

Он оделся, сунул ноги в тапки и вышел в коридор. Держался за стену не потому, что боялся упасть, а потому, что так было быстрее. За одной дверью разговаривали женщины, за другой храпел кто-то невидимый. У выхода стояла пустая каталка. На гвозде висела мужская телогрейка.

Крыльцо встретило его холодным воздухом и мошкой.

Он остановился, вдохнул — осторожно, насколько позволяли рёбра. Пахло дымом, мокрой землёй, рыбой и коровами. Между серыми домами синела полоска реки. У колонки две девочки наполняли вёдра, возле забора мужчина возился с мотоциклом, тем самым, который вчера не хотел заводиться. Где-то стучал молоток. За больницей высились свежие штабеля кирпича и тёмные строительные леса.

Всё было чужим. И всё существовало без всякого отношения к тому, помнил он себя или нет.

И тут его припёрло так, что он разом забыл и про рёбра, и про голову, и про приказ не вставать.

Он оглянулся.

За углом больницы стояла дощатая уборная с двумя дверями. Он направился туда, стараясь не торопиться. Тело знало дорогу лучше головы: не пришлось ни читать выцветшие буквы, ни разбираться, что делать внутри.

Трудность оказалась в другом.

Чтобы присесть над дырой, надо было согнуться. Чтобы удержаться — напрячь бок. Рёбра не соглашались ни на первое, ни на второе. Он попробовал опереться ладонью о стену. Доска под тапком качнулась.

— Твою мать, — сказал он негромко.

Мошка полезла в лицо. Он отмахнулся и едва не потерял равновесие. Пришлось расставить ноги шире, одной рукой держаться за стену, второй — за пояс брюк. Поза получилась унижительная и, должно быть, очень смешная.

«Орёл, — подумал он. — Орёл в раскоряку».

От смеха сразу заболел бок. Он зажмурился, переждал и всё-таки справился.

Когда вернулся на крыльцо, там уже стояла Мария Тимофеевна. Руки упёрты в бока, серые глаза обещают неприятности.

— Я тебе что сказала?

— Не вставать.

— Память, гляжу, вернулась.

— Не вся.

Она хотела ещё что-то сказать, но только махнула рукой.

— Иди ложись, герой. Председатель пришёл. Будет решать, что с тобой делать.

* * *

В приёмном покое сидел высокий седой мужчина в выцветшем пиджаке. Перед ним на столе лежали билет, пустой бумажник и складной нож с тёмной рукоятью.

Председатель поднял глаза.

— Ну, здравствуй, — сказал он. — Говорят, имени у тебя нет.

Мужчина остановился в дверях.

— Подойди. Бояться мне тебя поздно, а тебе меня пока незачем.

Он сел напротив, придерживая ладонью правый бок.

Председатель подвинул билет.

— До Назино. Значит, сюда и ехал. Зачем — не знаешь?

— Нет.

— На нефтеразведке инженера ждут. Фамилию мне не сообщали, начальник партии с людьми в тайге. Вернётся — спросим. В район тоже дадим знать. Может, там уже ищут.

Председатель постучал пальцем по пустому бумажнику.

— Старпом говорит, с каталами связался.

Слово ничего не вернуло. Только на мгновение возникло ощущение зелёного сукна под ладонью и чужих пальцев, слишком быстро собиравших карты. Он ухватился за картинку, но она исчезла.

— Вспомнил? — спросил председатель.

— Не знаю.

— Это пока твой самый честный ответ.

Он взял нож. Рукоять легла в ладонь удобно, будто знала её давно. Большой палец сам нашёл выемку, клинок открылся одним движением.

Оба посмотрели на его руку.

— Твой, значит?

— Рука говорит, что мой.

— Уже кое-что.

Председатель забрал нож, сложил и положил обратно на стол.

— Сначала вылечишься. Потом будем искать, кто ты и зачем к нам ехал. Если геолог — геологи признают. Если нет — милиция разберётся. До транспорта Мария Тимофеевна тебя отсюда не выпустит, а спорить с ней я не стану.

Мужчина смотрел на билет.

Назино.

Он не помнил, откуда начал дорогу. Не знал, кто дал ему деньги, сложил вещи и проводил к пароходу. Не знал, были ли у него дом, жена, работа, человек, который сейчас ждёт.

Но до этого названия он доехал.

Пока это было единственным фактом его жизни.

Он поднял глаза.

— Ладно, — сказал он. — Будем искать.

Глава 2

Ефановна

К концу первой недели он научился вставать с кровати так, чтобы не тревожить правый бок. Сначала спускал ноги, потом, опираясь на локоть, поднимался и некоторое время сидел.

Торопиться было незачем: комната оставалась на месте, дверь тоже, а за дверью всё равно никто не мог сказать, как его зовут.

С лицом дело обстояло хуже. Отек ещё держался, под глазом синяк пошёл желтизной. Корочка над бровью тянула кожу, рассечённая губа мешала есть. Он уже знал, с какой стороны подносить ложку. Знал, как повернуться во сне. Столько новых знаний о себе — и ни одного, которое помогло бы ответить на самый простой вопрос.

На повторном осмотре Мария Тимофеевна расспросила его о тошноте, велела проследить глазами за пальцем, осторожно ощупала затылок. Он рассказал, что голова болит к вечеру и после наклонов. Она выслушала, записала что-то и отодвинула тетрадь.

— Тяжёлого пока не поднимать. Петровичу я сказала, ты тоже помни. Если хуже станет, сразу зови кого-нибудь ко мне, хоть ночью.

Приоткрыв форточку, она закурила. Спичку стряхнула в жестяную крышку, лежавшую на подоконнике. Он смотрел на её руки: короткие ногти, желтоватый от табака палец, небольшая ранка возле сустава. Этими руками его отмывали, перевязывали и держали за плечо, когда он пытался подняться, не понимая, где находится.

— А с памятью что делать?

Мария Тимофеевна выпустила дым в сторону окна.

— С этим тебе врач нужен. Я про тебя в район сообщила. Пока спи, ешь, голову не мучай. И сходи к Ефановне, пусть посмотрит.

Она объяснила, где стоит дом Анны Ефановны. Раньше та была здесь фельдшером, теперь лечила травами, но к ней по-прежнему шли со всем, что болело.

— Про тебя она знает. Передай, что я послала.

За окном кто-то окликнул Марию Тимофеевну. Она выглянула, ответила, что сейчас выйдет, и погасила папиросу. Он начал застёгивать рубашу. Спросить хотелось ещё многое, но женщина снаружи уже говорила о ребёнке, у которого со вчерашнего дня держался жар.

Три дня назад председатель отвёл его из больницы в дом возле старой конторы глубокой разведки. Здесь останавливались приезжие работники; сейчас одна комната пустовала. В ней стояли две железные кровати, стол и шкаф с незакрывающейся дверцей. На кухне были печь, ведро и чайник. С подоконника пришлось убратьдохлых мух.

В первый вечер он сидел на голом тюфяке и думал, что надо бы найти чем накрыться. Просить второй раз за день было неловко. Председатель и без того потратил на него полдня, устроил жильё, договорился насчёт работы. Можно было лечь в одежде.

В дверь постучали, и сразу, не дожидаясь ответа, в комнату вошла женщина из конторы. Он видел её утром за столом со счётами. Теперь она держала кастрюльку, обёрнутую полотенцем.

— Поешь, милок. Картошка ещё тёплая. Ложка-то у тебя есть?

Он поднялся, принял кастрюльку и оглянулся на пустой стол. Женщина поняла без ответа.

— Сейчас принесу. Ты пока устраивайся.

Он хотел спросить её имя, но она уже вышла. Вернулась с ложкой, кружкой и хлебом, положенным в глубокую тарелку. Сказала, что кастрюлю заберёт завтра, и попросила прикрывать сенную дверь: комары идут.

Позднее пришла другая, постарше, с большим узлом. Развернула простыню, наволочку, одеяло. Наволочка была выстирана до мягкости, возле завязки аккуратно заштопана.

— Это наше, домашнее. Казённого, говорят, не осталось. Ложись на чистое, хоть выпишься.

Он поблагодарил. Она провела ладонью по простыне, разглаживая складку, и ушла, оставив на спинке кровати полотенце, которого он сперва не заметил.

Теперь по вечерам он старался вспомнить, кто что принёс. Не потому, что боялся задолжать. Хотелось хотя бы знать людей, которым обязан. Имени женщины со счётами он всё-таки спросил: Клавдия. Вторую звали тётей Шурой. Хлеб передала соседка Клавдии, а кружку та взяла на работе.

Собственного у него не было почти ничего. Даже мысль о том, что где-то существует его дом, оставалась предположением. А эти люди уже решили, что ему нужно поест и на чём-то спать. Ни один не ждал, пока выяснится, достоин ли он чистой простыни.

Утром председатель привёл его к Петровичу. Помощником при складе: перебрать, переписать, подать то, что не тяжело. За имущество отвечал сам кладовщик.

Петрович дал ему ящик крепежа и сел сверять накладные. Через час болты лежали отдельно от шпилек, гайки были разобраны, негодное сложено в жестяную банку. Петрович подошёл, поворошил кучки пальцем, довольно хмыкнул.

В следующем ящике оказались детали бурового инструмента. Он брал их, поворачивал к свету, проверял кромки. Названия приходили сами, за ними — понимание, куда это ставится, как изнашивается и что случится, если пропустить трещину. Повреждённую деталь он отложил и показал Петровичу. Тот осмотрел её у окна, поставил мелом крест.

Значит, работал с таким. Видел. Держал в руках. Возможно, объяснял кому-нибудь, как сейчас объяснил кладовщику. Человек, который всему этому выучился, никуда не исчез — вот его руки, вот знания. Почему же нельзя было добраться до него через них?

Он провёл большим пальцем по холодному металлу. В голове возникала работа, но не возникал ни один рабочий день. Ни места, ни человека рядом. Как будто ему выдали чужое умение, забыв сказать, кому оно принадлежало.

К полудню бок разнылся. Петрович заметил, что он стал медленнее нагибаться, и передвинул к нему табурет с накладными. На обратной стороне ненужного листа он переписывал номера: почерк получался ровный, привычный. Пропустив строку, попробовал поставить подпись. Карандаш остался неподвижен.

Перед уходом Петрович достал из-под стола свёрток.

— Жена передала. Там рыба, до вечера не держи на тепле.

Он взял свёрток обеими руками. Хотел сказать что-нибудь помимо очередного «спасибо», но во рту вдруг пересохло. Пришлось отвернуться к двери и подождать, пока отпустит стиснутую челюсть. Петрович уже вернулся к накладным, давая ему спокойно выйти.

После осмотра у Марии Тимофеевны он отработал до обеда и пошёл к Ефановне.

Дом стоял на краю села, на высоком подклете. На крыльце две новые доски светлели среди старых. За баней виднелся огород, на жерди возле забора сушилась сеть. Из открытого окна доносился стук: кто-то выбивал что-то деревянное о край стола.

Анна открыла сама. На фартуке у неё осталось несколько семян, к рукаву прицепился сухой лист. Она уже отступила, пропуская его, но, когда он снял кепку, вдруг задержалась.

Он увидел, как её взгляд остановился на его лице. Так смотрели многие, заметив побои, однако здесь было что-то другое. Анна подняла руку, словно собиралась коснуться его щеки, и вместо этого поправила съехавшую дужку очков.

— От Марии Тимофеевны? Проходи.

У окна сидел Николай, подгонял деревянную рукоять. Он поздоровался, освободил край стола. Анна ссыпала семена с фартука в бумажный пакет, вымыла руки и попросила гостя сесть поближе к свету.

Она расспрашивала неторопливо. Где болит, когда перестало тошнить, как спит, не становится ли хуже после работы. Он отвечал и всё ждал вопроса, который ему задавали остальные: неужели совсем ничего? Анна его не задала.

Только когда он умолк, спросила, узнаёт ли какие-нибудь вещи.

Он рассказал про склад. Про инструмент, который будто сам ложился в ладонь. Потом зачем-то про паука на больничном потолке: название вспомнил сразу, даже удивился, что знает его.

— Вот это меня и пугает, — сказал он. — Паук у меня с названием, а я без. Не могу же я знать всё это отдельно от себя. Кто-то ведь учился, жил...

Он осёкся. Повторять одно и то же было стыдно, будто жаловался, хотя от жалоб не становилось легче.

Анна положила ладонь ему на запястье.

— Слышу тебя. Не торопись.

Николай отложил нож. Теперь тоже смотрел на гостя, и в этом взгляде не было ни недоверия, ни настороженности. Скорее досада на самого себя: что-то знакомое не давалось, ускользало при каждой попытке припомнить.

Когда мужчина повернулся к окну, Анна снова увидела это сходство. Лоб, посадка головы, тяжёлая складка возле рта — такая могла появляться и без нынешнего отёка. На мгновение перед ней оказалось другое, давно знакомое лицо, молодое, каким она уже много лет его не видела. Потом гость осторожно тронул разбитую губу, и сходство распалось.

Она не стала искать ему имя по чужому лицу. Пусть сначала заживёт.

Небольшую бутылочку настоя Анна завернула в бумагу, объяснила, как принимать. Для сна: от бессонных ночей ему тоже легче не станет. Про память ничего не обещала.

Потом посмотрела на его рубаху. Ворот был затёрт, под мышкой расходился шов. Рукав он закатал, чтобы не цеплять запястьем жёсткий край ткани.

— Коля, достань-ка ту рубашку, полосатую. И брюки посмотри.

Николай ушёл в другую комнату. Анна показала гостю на дверь за печью: там можно переодеться.

Рубашка оказалась немного свободна в плечах. Брюки Николай подал вместе с ремнём. Когда он вернулся, застёгивая манжету, хозяин кивнул: годится.

Анна протянула руку к снятой одежде, но он придержал свёрток.

— Это я сам стираю. Руки-то целы. Только мыла у меня пока нет.

Она достала из шкафа кусок хозяйственного мыла, потом ещё небольшой, туалетный, в начатой обёртке. В полотняную сумку положила круглую коробочку зубного порошка, чистую тряпицу и бутылочку с настоем.

— Щётку в магазине спросишь. А бельё завтра подберём. Ты не стесняйся, говори, чего нет.

Он держал сумку и не сразу поднял глаза. От чужой рубашки пахло утюгом и шкафом, сухим деревом. На манжете была пришита другая пуговица, чуть меньше остальных. Кто-то выбирал её, вдел нитку, чинил вещь для своего человека. Теперь она была на нём.

— Спасибо вам, — сказал он наконец.

Анна поправила бумагу вокруг бутылочки, чтобы не стукнулась о коробку.

— Посиди ещё. Я картошку разогрела.

Через день он пришёл снова. Накануне выстирал рубаху и долго выполаскивал её в тазу. Вода под конец стала чистой, однако пятна у ворота остались. Вымытую кастрюльку вернул Клавдии, Петровичу передал благодарность жене. Появились дела на завтра, не связанные с попытками вспомнить собственное имя.

У Ефановны его уже не усаживали у окна для осмотра с порога. Анна могла закончить перевязку, пока он ждал на крыльце, или попросить придержать бумажный пакет, в который ссыпала траву. Николай показывал ему, как чинит рассохшуюся рукоять. Они подолгу молчали за работой, и молчание не приходилось заполнять.

В тот вечер Анна перебирала привезённые корни. Он сидел у стола и нарезал бумагу для пакетиков. За день дождь несколько раз принимался и стихал, в сенях пахло мокрыми досками. Услышав калитку, Николай поднял голову ещё до того, как на крыльце застучали шаги.

— Варюшка пришла.

Она вошла быстро, придерживая локтем книги. Кивнула гостю, сказала «здравствуйте» и сразу направилась к отцу. Николай отложил работу. Она обняла его за шею, поцеловала в висок и задержалась так на мгновение, пока он ладонью гладил её руку.

— Папочка, я тебе принесла. Только не унеси опять в мастерскую, там от твоих стружек потом всю книгу вытряхивать.

Она положила перед ним том в потёртой обложке, а сама уже шла к матери, на ходу снимая с плеча сумку.

— Мам, получила наконец. Помнишь, я тебе про рисунки говорила?

Прижалась к Анниной щеке, достала вторую книгу. Из неё торчали узкие бумажные закладки. Анна потянулась к очкам, и дочь сама подала их, стоявшие возле чашки.

— Вот здесь посмотри. Я думала, это одна и та же, а у них отдельно описаны. Видишь лист?

Женщины склонились над страницей. Анна указала ногтем на рисунок, Варя перевернула лист, вернулась, прочитала несколько строк. Из сумки достала свёрток травы и положила подальше от корней.

— Это у дальнего покоса собрала. Сухая была, я успела до дождя. Ты туда одна не ходи, там спуск размыло.

Анна слушала, чуть улыбаясь, потом убрала прядь волос с дочернего лба.

— Садись поешь. Небось с утра на одном чае.

— Сейчас, мамочка. Тут ещё одно место...

Он перестал резать бумагу.

Женщина была красивая. Это он понял сразу, без помощи памяти. Особенно когда она, наклонившись к матери, рассмеялась чему-то в книге и подняла на отца глаза, приглашая его тоже послушать. В голосе было столько домашней свободы, что он почувствовал себя невольным свидетелем чего-то личного и опустил взгляд.

Перед Николаем лежала книга Ферсмана. Фамилию на обложке он прочёл вверх ногами. Узнал её и, не успев обдумать, произнёс вслух.

— Ферсман.

Варя повернулась.

До этого чужой человек за столом не мешал ей. У матери постоянно кто-нибудь сидел, ждал, пил настой, рассказывал о своей боли. Она привыкла с детства обходить поставленный посреди комнаты стул, говорить потише, если за занавеской кто-то спал. Но теперь она впервые посмотрела на него внимательно.

Он поднял голову. Под глазом желтел синяк, над бровью стянуло кожу. Рука, лежавшая возле ножниц, была большая, со свежими ссадинами на костяшках. Он смотрел прямо на неё, и Варя вдруг поняла, что сейчас отступить в привычное уже не получится. Человек ещё ничего ей не сказал, а то, чего она так долго не допускала в свою жизнь, было здесь, за маминым столом.

Она не знала, что с ними будет. Но остаться для неё просто одним из маминых больных он уже не мог.

Он заметил, как потемнели её глаза. Лицо почти не изменилось, только исчезло то открытое, тёплое выражение, с которым она минуту назад обращалась к отцу. Варя выпрямилась и положила ладонь на раскрытую книгу.

— Вы читали его?

— Не знаю. Фамилия знакомая. Увидел — вспомнил.

Он замолчал, не желая опять объяснять. Анна негромко сказала дочери, что это тот мужчина, которого сняли с парохода. Варя кивнула. Про него она слышала.

Николай придвинул книгу к гостю. Тот осторожно перелистнул несколько страниц, задержался у рисунка. Хотелось взять её с собой, сесть у окна и проверить: узнает ли что-нибудь ещё. Спросить не успел.

— В библиотеке есть другой том. И учебник по геологии, — сказала Варя. — Приходите, подберём.

Говорила она спокойно и доброжелательно, но уже собирала сумку. Анна придержала её за локоть, напонила про ужин.

— Мам, я дома поем. Мне ещё бельё снять, опять дождь собирается.

Она поцеловала мать, провела рукой по отцовскому плечу. У двери оглянулась, будто что-то забыла, и встретила с ним глазами. В этот раз отвернулась первой.

После её ухода Николай поправил закладку в принесённой книге. Анна некоторое время смотрела на дверь, потом собрала траву со стола.

— Дочка наша, Варвара. В школе библиотекой заведует. Ещё литературу ведёт, когда учительницу заменить надо.

Он кивнул. Название растения, о котором они только что говорили, забыл сразу. Имя дочери запомнил.

На следующее утро он пришёл к школе раньше девяти.

По дороге успел сказать себе, что ему нужен учебник. Это было правдой. Только выбирать ради учебника менее мятую из двух рубаш и долго приглаживать мокрой ладонью волосы было необязательно.

Школу достраивали постепенно: к старой части прибавлялись корпуса, пока здание не сложилось буквой П. Одно крыло целиком занимала библиотека. Сюда приходили и школьники, и взрослые. Возле двери на стене висели часы работы; из глубины коридора тянуло краской. Летом здесь что-то чинили.

Варвара стояла у стеллажа и расставляла книги. Увидев его, поздоровалась, показала на стол возле окна: там уже лежали два тома.

Он снял кепку. Вчерашняя спешка, с которой она ушла, не давала покоя. Может, не хотела разговаривать при нём. Может, торопилась на самом деле. Разбираться сейчас было глупо: она приготовила книги, значит, ждала.

Учебник раскрылся на геологическом разрезе. Он провёл пальцем вдоль линии, задержался на подписи. Понимал рисунок, мог объяснить, что здесь изображено, и почти слышал продолжение текста, не успев перевернуть страницу.

Варвара не мешала ему читать. Перебирала карточки, изредка поглядывала через стол. Вчера дома он сидел, оберегая больной бок, а здесь подался вперёд и совершенно забыл об осторожности. Пришлось подвинуть к нему стул.

— Садитесь. Здесь можно читать, сколько нужно.

Он сел. Прошло несколько минут, прежде чем он поднял голову.

— Я всё это знаю. Только не могу вспомнить, где учился.

Она посмотрела на раскрытую страницу, потом на него.

— Возьмите домой. Вдруг дальше что-нибудь попадётся знакомое.

Он сложил книги и потянул их к себе, но остановился, увидев перед ней читательский формуляр.

— А записывать на кого? У меня ведь даже фамилии нет.

— Пока на себя запишу. Прочтёте — принесёте.

Он посмотрел на потёртые корешки, на подклеенный уголок обложки. Здесь книги берегли.

— А вдруг не верну? Унесу ваши ценные экспонаты.

Варя подняла глаза. В них мелькнуло то самое выражение, которое он видел вчера, когда она разговаривала с отцом.

— Ну да. На пристани без чемодана, зато с книгами в обнимку. Далеко вас отпустят.

Он засмеялся и тут же прижал ладонь ко рту. Губу обожгло. На пальцах осталась кровь.

Варвара быстро отодвинула книги, открыла ящик стола. Достала чистый платочек, подошла и вложила ему в руку.

— Вот сюда приложите. Нет, не трите.

Она наклонилась, чтобы посмотреть ранку. Он почувствовал, как её пальцы на секунду коснулись его запястья. Стояла совсем близко, и от этого стало трудно следить за тем, что она говорит. Платочек пах свежим бельём.

— Всё, держите немного.

Он послушался. Варя принесла воды в кружке, поставила рядом. Потом вернулась на своё место и закончила запись, оставив его прийти в себя.

Боль понемногу стихла. Он взглянул на красное пятно на ткани и хотел спросить, куда положить платок, но она опередила:

— Заберите. Ещё понадобится.

— Я выстираю и принесу.

Варя кивнула и придвинула книги. Он заметил, что второй том она положила так, чтобы ему было удобнее подхватить оба одной рукой.

Поблагодарив, он поднялся. Теперь ему хотелось остаться ещё хотя бы на минуту. Не для того, чтобы что-нибудь объяснять или спрашивать. Просто побыть здесь, пока она не ушла снова в ту свою осторожность. Но у двери уже стояла девочка с книгой, обёрнутой газетой.

Варвара позвала её по имени. Голос сразу стал мягче; она спросила, как бабушка, и потянулась за книгой. Он вышел, придержал дверь для девочкиной младшей сестры и остановился на крыльце.

Вот ведь. Самого себя вспомнить не мог, а теперь ещё пытался понять женщину, которую видел второй раз. И всё-таки домой шёл с таким чувством, словно за это утро получил больше, чем два тома взаймы.

Вечером, когда он читал у окна, снова постучали. Клавдия принесла тарелку пирогов. Заметила книги, обрадовалась, что нашёл себе занятие, попросила не возвращать тарелку сегодня: завтра всё равно на работу пойдёт мимо.

Он поставил пироги на стол. Рядом лежали карандаш, листок для заметок и сложенный платочек. Его он уже застирал; ткань ещё была чуть влажной.

Чужие вещи постепенно заполняли комнату. На кровати лежало тёти-Шурино одеяло, на спинке стула сохла его старая рубаша, рядом висела Николаева. В кружке остывал чай. Ему вдруг захотелось, чтобы тот человек, которым он был прежде, оказался не хуже, чем здесь о нём думали.

Он не знал, добрый ли был. Умел ли помогать. Может, проходил мимо чужой беды, потому что спешил, потому что своих забот хватало. От этой мысли стало неприятно. Нельзя было ни оправдаться перед собой, ни возразить. Но завтра можно было вернуть Клавдии тарелку, спросить, не нужно ли принести ей воды. Для этого вспоминать прошлое не требовалось.

Он снова открыл учебник. Читал понемногу, отдыхая, когда начинало давить виски. На одной из иллюстраций увидел карту, и вдруг вспомнилось: ладонь прижимает загнутый угол бумаги, чей-то рукав мешает смотреть, и он говорит, раздражённо, совершенно своим голосом: «Если пойдём здесь, потеряем два дня».

Он замер, боясь спугнуть продолжение. Но больше ничего не было. Только бумага, рукав и сказанная фраза.

Он записал её. Ниже добавил: «Над картой. Голос мой». Несколько раз перечитал. Впервые за все эти дни появилось что-то, что случилось именно с ним. Завтра надо рассказать Ефановне. И Варваре тоже. Ей хотелось рассказать особенно.

* * *

Варя в тот вечер снова пришла к родителям.

Анна сидела над принесённой книгой, сверяла рисунок со своей тетрадью. Николай, надев очки, читал Ферсмана. На стук калитки он поднял голову и отложил том раскрытым на коленях.

— Что, Варюшка?

Она подошла, обняла его за плечи. Отец накрыл её ладонь своей. Варя помнила, как ждала его в детстве, как училась узнавать по письмам, и до сих пор любила эту простую возможность — прийти и обнять.

— Папочка, его надо отвезти туда.

Рука отца остановилась. Анна сняла очки.

Николай не переспросил, о ком дочь говорит. Осторожно высвободился из её объятия, повернулся, чтобы видеть лицо.

— Ты же знаешь, Варя. Просто так туда не ездят. Он ещё слабый, дорога долгая. А если не пустит? Нам своих сил едва хватит его обратно вывезти.

Она присела рядом.

— Знаю. Я же с вами ездила. Пап, пожалуйста. Ему надо.

За окном кто-то прошёл по улице. Все трое помолчали, пока не стихли шаги.

О пещере в этом доме не говорили при посторонних. Знали её считанные люди, несколько семей, которым доверяли. Оттуда Анне привозили травы, каких не находили возле села; туда шли за рыбой и ягодой, когда привычные места не давали урожая. Дорога отнимала много сил, и каждую поездку готовили заранее.

Варя бывала там с детства. Помнила, как засыпала возле матери, как просыпалась от негромких голосов мужчин, как отец вынимал из рыбы кости и подавал ей кусочки на крышке котелка. Потом сама училась собирать траву, различать, что уже пора брать, а что надо оставить до следующего приезда. За лето иногда выбирались два-три раза, задерживались на три-четыре дня. Дольше оставаться не следовало; это она тоже знала.

После возвращения из Ленинграда отец отвёз её туда снова. Он не расспрашивал, когда видел, что она не может говорить. Просто был рядом. И она помнила утро, когда впервые за долгое время проснулась без тяжести, с которой уже привыкла жить. Прошное никуда не делось, но больше не занимало собой всё, до последнего вдоха.

Теперь она держала отцовскую руку и искала слова.

— Я не знаю, как тебе объяснить. Только не надо его оставлять так. Давай попробуем. Мы ведь можем хотя бы попробовать.

Николай посмотрел на Анну. В деревне умирали люди, которых они знали всю жизнь. Не всех возили, не за всех решались просить проводников. Варя понимала это не хуже родителей. Прежде она никогда не сидела вот так перед отцом, уговаривая его взять чужого человека.

Анна подошла к дочери, коснулась её волос.

— Он сегодня приходил к тебе?

Варя кивнула.

— За книгами. Мам, он читает — всё понимает. А за что ни возьмётся, всюду упирается в то, что себя не помнит.

Анна присела по другую сторону стола. Некоторое время слышно было только, как Николай пальцем приглаживает загнувшуюся страницу.

— С мужиками поговорю, — сказал он наконец. — И с Марией. В дорогу его сначала поставить надо.

Варя прижалась губами к его виску. Он придержал её за руку, не отпуская сразу.

— Ты-то сама как, доченька?

Она посмотрела на него, потом на мать. Хотела ответить привычное «хорошо», но промолчала.

Анна подвинула к ней стул поближе к себе.

Глава 3

Получка

По утрам он теперь сначала прислушивался к себе, а потом открывал глаза. Не болит ли голова, не тянет ли под рёбрами. Ещё недавно для того, чтобы сесть на кровати, приходилось поворачиваться всем телом. Теперь боль возникала только при неловком движении, и он всё чаще забывал о ней — до следующей попытки поднять что-нибудь потяжелее.

Память не возвращалась.

Во сне иногда появлялись люди, но к утру от них оставалось только чувство: этого знал, с этим о чём-то спорил. Он лежал, боясь пошевелиться, старался удержать хотя бы голос. За стеной начинали ходить, на кухне гремела крышка чайника, и всё исчезало.

Однажды он рассказал об этом Анне.

Она как раз наливала ему настой. Выслушала, поставила бутылочку на стол.

— Ты записывай сразу, пока не забыл.

— Что записывать? Лица нет, имени нет. Знаю только, что человек знакомый.

— Так и напиши.

Он попробовал. Возле кровати появилась тетрадь с карандашом. Иногда за целый день в ней не прибавлялось ни строчки. Зато на работе приходилось писать много, и это ему нравилось: цифры сходились, строки заполнялись, сделанное можно было проверить.

Петрович уже оставлял его одного на складе. Перед уходом объяснял, кому что выдать, а по возвращении просматривал записи. Ошибок почти не находил. Только однажды ткнул пальцем в слишком мелкие цифры, и с тех пор он писал крупнее.

Сначала разбирал крепёж, потом инструмент. Однажды, осматривая изношенную деталь, начал объяснять, почему её повело. Петрович слушал, вертел железку в руках, затем позвал человека из конторы. Пришлось повторить.

После этого с ним стали советоваться.

Это радовало и злило одновременно. Он мог увидеть чужую ошибку, вспомнить нужное слово, объяснить работу механизма, а собственную фамилию не знал.

Каждый день после обеда он заходил в контору.

Клавдия сперва говорила: «Пока ничего». Потом стала показывать пришедшие бумаги. Запрос отправили в район, сведения передали в Колпашево, где выясняли, кто не добрался до назначенного места работы. По пароходу тоже ждали ответа.

— Меня ведь должны были где-то ждать, — сказал он однажды председателю. — Не просто так я ехал.

— Должны. Только у тебя билет до Назино, а дальше куда — мы не знаем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.